

Быт и творчество населения.

Исследование природы и экономики в Верхне-Моложском крае было основной задачей научной экспедиции Тверского Педагогического Института в 1925 г. Этнографические, фольклористические и диалектологические задачи (наблюдения над бытом, творчеством и языком местного населения)—являлись дополнительными.

Материальная культура, а также общественный и семейный быт, мировоззрение, поэтическое творчество и даже язык издавна обуславливались двумя основными факторами экономической жизни края: отсталыми формами земледелия и лесными промыслами. Традиционное трехполье, а зачастую лядинное или подсечное хозяйство не давали населению возможности сводить концы с концами в скромном бюджете крестьянского двора. В значительной мере выручали лесные разработки, а также промыслы и ремесла, обусловленные лесною природою. Лес и отсталое земледелие давали определенный тон всей жизни края. Отдаленность от городов укрепляла бытовой консерватизм населения. Проведение железной дороги (1870 г.), конечно, не могло не отразиться на быте, содействуя развитию отхожих промыслов и проникновению городских влияний. Однако этот фактор оказывал воздействие не сразу, а исподволь.

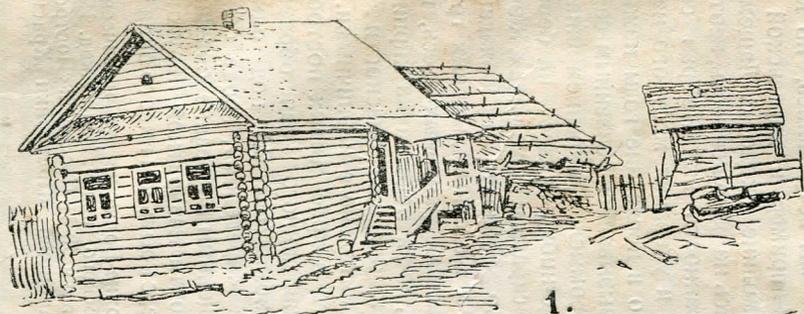
Не то мы должны сказать о чрезвычайных факторах общего порядка: о войне и революции. В течение 11 бурных лет, вследствие произошедших за эти одиннадцать лет экономических и общественных сдвигов,—значительно изменился облик края. В бытовой жизни, в творчестве, в языке совершились большие, яркие изменения. Некоторые из них, повидимому, окажутся или уже оказались временными, другие настолько глубоки, что определяют собой новый быт, который должен будет сложиться, когда взбудораженная жизнь поуспокоится, поотстоится.

В чем же проявились, вызванные войной и революцией, потрясения? Сначала сказались они в отрыве здорового основного кадра работников от деревни на фронт, на проистекшем от этой причины и от начинавшегося экономического кризиса обеднении крестьянства и на разрушении хозяйства. В первые годы революции, с обострением кризиса, местное крестьянское хозяйство изменилось не только в количественном отношении, но и стало принимать другой характер, в нем стал определенно обнаруживаться регресс к старым натуральным формам: крестьянину, натолкующемуся на ослабленную продукцию городской промышленности, на рас-

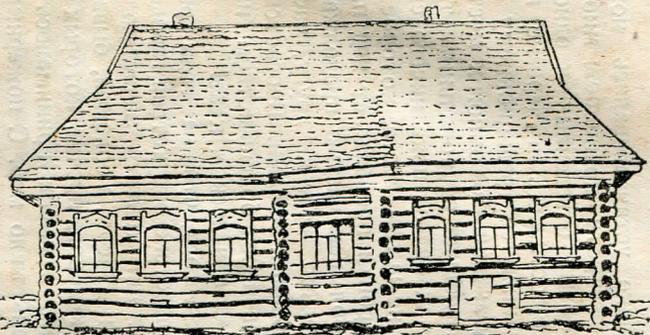
строительство транспорта, на воцарившуюся дороговизну, а также на запреты эпохи военного коммунизма, пришлось экстренно воскрешать давно отмершие отрасли сельского хозяйства или же развивать для данного края совсем новые. Этим процессам содействовал приток бежавшей из голодных городов той части крестьянства, которая в мирное время жила отхожими промыслами или даже почти потеряла связь со своей деревней. Новые люди, до чрезмерности увеличив количество едоков в деревне, однако принесли с собой культурные навыки, сметливость, технические знания. Возвращение на родину односельчан, побывавших в немецком плену, также не проходило бесследно для деревенской жизни. Новые веяния, новые взгляды, новые навыки, к концу рассматриваемого периода, стали вторгаться вместе с возвращением со службы красноармейцев. Наконец стал все громче и громче заявлять о себе свой местный комсомол и крепнувшие на местах партийные силы: окончание гражданской войны, начавшая бурно возрождаться промышленность, восстанавливающаяся после сильной и долгой разрухи школа заметно стали сказываться и на деревне. После пережитых бурь и несчастий деревня стала оживать, залечиваться, здороветь. Все перечисленные процессы отпечатались и в материальной культуре, и в быте, и в творчестве, и в языке.

К краткой характеристике местной жизни, как она нам представилась летом 1925 года, я и перехожу.

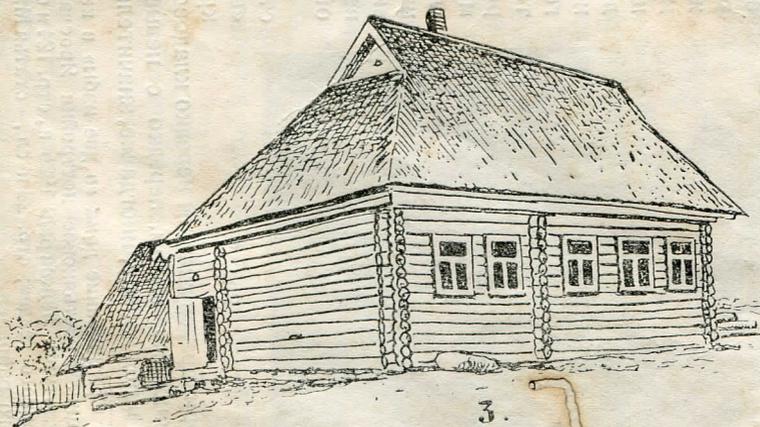
Первое и несколько неожиданное впечатление от деревни: деревня заново строится. Куда ни взглянешь—и в самой деревне, и в полях и в лесу, везде виднеются новые срубы домов, сараев, овинов. Правда, в огромном большинстве эти постройки стоят не оконченными, без крыш, без дверей. Легко улавливаются причины этих, на первый взгляд, противоречивых явлений: усиленная стройка новых домов при большом числе пустующих прежних. Новой стройке содействуют три разнородных фактора, неодинакового значения: стихийное стремление крестьян к расселению на новые земли, стихийное же стремление к делению больших семейств и, наконец, более легкий, чем раньше, доступ к строевому лесу. Выезд из деревни естественно приводит к постройке дома на новом месте, при этом в большинстве случаев старый дом не перевозится из деревни, а в ней остается, на всякий случай, заколоченным. Деление большой семьи всегда влекло за собой новую стройку. Теперь каждый крестьянин, пользуясь доступностью леса, строит избы заранее для каждого из своих сыновей, если даже они еще малые дети и до их женитьбы и самостоятельного хозяйствования еще много лет. Воспользовавшись тем обстоятельством, что в первые годы революции, когда поослабела охрана казенного леса и можно было безнаказанно производить порубки, крестьяне накопили материалы, а затем, видя, что правительством принимаются меры к более строгой охране леса и к борьбе с самочинными захватами, стали торопиться скорее употребить материал в дело. Наряду с этим значительную роль сыграла и политика власти, предоставлявшая и в последующие годы лес крестьянской бедноте на льготных условиях. В конечном итоге деревня покрылась, как я сказал, новыми стройками. Неоконченность же построек объясняется тем, что в первые годы революции отсутствовали совершенно покупные строительные материалы—гвозди, железо, а в следующие годы, хотя эти материалы и появились на рынке, но для населения были дороги.

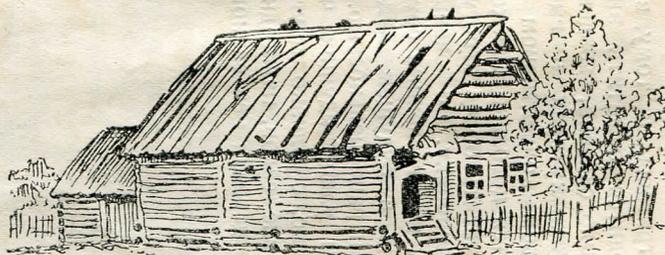
1.

2.

3.

4.

Рис. 1. Типичная изба—четырёхстенок в д. Ермолино Вышневол. у. Рис. 2. Дом в 2 избы.
Рис. 3. Пятистенок Рис. 4. Курная изба (постройка 60-х г.г.).

Присматриваясь к тому, в каком порядке устанавливались новые дома, приходится отметить значительную пестроту принципов: многие дома, как было сказано, воздвигаются на новых отведенных к одному месту участках—хуторах и выселках, другие, оставаясь в деревне или строясь в новом коллективном поселке, подчиняются традиционному порядку—ставятся довольно близко друг от друга; лишь в немногих местах удавалось заметить более строгую, соответствующую рациональным требованиям, планировку. Об очень многих домах нельзя пока ничего сказать, так как изготовленные срубы стоят еще не на том месте, которое им будет отведено в будущем. Стихийность стройки преобладает над плановостью и рациональностью. Новые дома большею частью продолжают прямые ряды улиц, идущих часто параллельно друг к другу, часто перпендикулярно, с близко друг к другу стоящими избами. Бросается в глаза отсутствие садов, палисадников, деревьев перед большинством изб; бывают целые деревни без единого деревца. И это в лесном крае!

Рис. 5.

или коридора, служащим нередко кладовой, освещенным посредине большим «итальянским» окном, нередко с невысокой, почти квадратной наружной дверью в под'избицу, иногда же, значительно реже, с крыльцом вместо окна*).

*) Ср. описание дома «в две избы» в книге: «Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края». Изд. Акад. Ист. Мат. Культуры. Ленинград. 1926 г., стр. 124 и след.,—статья Л. И. Песселеп: «Постройки Бежецкого уезда»; стр. 28 и сл.,—статья М. И. Артамонова: «Постройки Краснохолмского района».

Из-за того, что за годы разрухи, вследствие отсутствия гвоздей, крыши стали крыться зачастую не дранкой, не тесом, а соломой, бывало немало пожаров, против которых до последнего времени принималось в крае очень мало мер. С пожарными машинами мы встречались, но крестьяне (например, в карельской деревне Ермолине, около с. Лацемли) жаловались на изношенность, неотремонтированность их. Не раз слышали мы и указания местного населения, что в последние годы пожары нередко вызывались усиленным самодельным промыслом, курением вина не только где-нибудь в лесу, на берегу реки, а в сараях и даже избах. К этому нужно добавить преобладание глиняных и железных дымовых труб, широко распространенных здесь, по видимому, из-за недостатка кирпича, ведущих к большей опасности от огня, сравнительно с кирпичными.

Много в крае жилых построек старого для данного края образца: «в две избы» (рис. 2.) под одной крышей, с «пределом», вроде сеней

Из двух изб такой постройки одна—зимняя, другая летняя. Большею частью обе избы одинаковы: обычные трехконные четырехстенки (рис. 1.), но нередко одна изба (зимняя) другого размера: меньше и ниже. Иногда встречается подведение под одну крышу совершенно разнородных построек.

Присматриваясь к новым постройкам, убеждаешься, что это большею частью «дома», т. е. модные и популярные теперь по всей Велико-россии—пятистенки (рис. 3). Немало уже (напр. в д. Васютине) высоких изб со светелками. Но наряду с этими новыми «достижениями» культуры вы не раз можете встретить в изучаемом крае архаичные курные избы (рис. 4), напр., в деревне Ст. Дорке. В сравнении с старинными великолепными постройками севера (онежскими, вологодскими, архангельскими «хоромами»), богато, высоко художественно орнаментированными (резные и скульптурные наличники, балясины галлерей, балконов, крылец), постройки Верхне-Моложского края поражают бедностью, а большей частью даже полным отсутствием орнаментировки. Это касается и старых и новых построек. Лишь в самое последнее время наблюдается тяготение к украшенности, при этом совершенно в новом духе. Так на краю деревни Костюшино стоит новый прекрасно сложенный пятистенок крестьянина-коммуниста, увенчанный косяком в виде серпа и молота. В карельском селе Загородье, недалеко от с. Максатихи, почти все окна домов богато украшены резным орнаментом подстоличного «дачного» стиля. Деревня эта после пожара недавно вся заново отстроилась.*).

Дворы всегда примыкают к дому, но в различном порядке. Очень распространен способ расположения двора вдоль задних стен стройки «в две избы». Встречается расположение двора углом: вдоль задней стены и одной боковой.

Пелевни (сарай), овины, бани—расположены за домом в одной усадьбе, отгороженной от соседних изгородью. Бани в деревнях редки. Если есть, то—черные. Большинство населения моется в печах.

Изгороди (в деревнях, в поле, в лесу) встречаются четырех типов. Наиболее распространены (особенно в поле, в лесу)—дсек, состоящий из жердей (от 6 до 10), горизонтально лежащих между парами кольев, воткнутых в землю и переплетенных друг с другом лыком. Около домов и хозяйственных построек нередки три рода «тынов» (обобщенное местное название для всех трех типов): 1) тын из сучьев или тонких ветвей, переплетенных по трем горизонтально положенным жердям (у Феноменова**) «частокол», рис. 48), 2) тын из тесин, прибитых гвоздями к двум горизонтальным жердям (у Феноменова «забор», рис. 47), 3) тын, состоящий из 1-2 жердей, вставленных в расщепы вертикальных кольев (у Феноменова «тын», рис. 49). За годы разрухи досчатые тыны заново не ставились, из-за отсутствия гвоздей, чем и объясняется пестрый, как бы заплатанный вид приусадебных изгородей.

Колодцев существует в том крае два типа: «воротом» и «журавлями», при этом в северных, в старообрядческих деревнях (Заболотье и Васютине), колодцы стоят не на улице, а у дворов и огородов.

*) К сожалению, т. к. этим селом мы проходили уже закончивши свою работу (оно не входило в маршрут экспедиции), нам не удалось подробно разузнать, какие мастера село строили и откуда брали образцы.

**) Разумеется книга М. Я. Феноменова: «Современная деревня». Опыт краеведческого обследования одной деревни. Ленинград. ГИЗ. 1925 г., ч. ч. I и II.

Внутренность избы содержится обычно в большом порядке, особенно летняя изба, в которой большею частью не живут; в праздник она служит для приема гостей. На полу обычно расстелены чистые большие половики своего изготовления. Кровать занавешена целиком от потолка до полу длинным красиво вытканым пологом. На него идет местная цветная плотная ткань или редкая полупрозрачная кисея, «занавеска». Молодые хозяйки обычно хвалятся друг перед другом рисунками и красками полога. Белая же кисейная занавеска висит и в переднем углу над божницей с иконами. На стенах не так много картин, как в избах более южных районов Тверской губернии. Зеркало же непременно имеется, даже в самой бедной избе.

Общий план избы такой: от входной из сеней двери налево стоит печь, направо кровать под пологом. Палатей большею частью нет. В переднем красном углу, под божницей, сходятся лавки; перед ними стол. Большая печь с «карзинкой», обмазанная сероватой глиной, содержится в чистоте и опрятности, часто моется или вытирается мокрой тряпкой. В печку, в ее внешний передний угол, вделан обычно шкаф для посуды, но встречаются печи и без шкафа. Иногда часть избы от печки и до окон забрана перегородкой, но такой «чулан» необязателен. К стене, ведущей от печки к окну, приделана «поло́ка» для посуды, обычно завешиваемая занавеской. Стол нередко, особенно в парадной летней избе, покрыт клеенкой или окрашен.

В зимней избе около печки вешается на веревке или цепочке глиняный (редко медный) рукомойник, перед которым ставится большая лохань на трех коротеньких ножках. В летней избе кроме лавок можно встретить городские стулья. Пол в летних избах часто крашенный, темно-красного цвета.

Домашнюю утварь составляют следующие предметы: глиняные горшки (местного изготовления, из Горок и Дорок) темно-коричневого или серого цвета, вместимостью в полторы бутылки; глиняные и деревянные блюда и плошки, деревянные ложки, немногочисленные ножи и редкие вилки, сковородки, чугуны, ухват и клюка (кочерга). Самовар имеется не в каждом доме и оберегается, как великая ценность.

В зимнее время значительную часть избы занимает ткацкий стан — так наз. «кросна́». Особенно большую роль стали играть «кросна́» в годы разрухи, когда поневоле пришлось вновь возрождать уже начавшее было спадать ткачество. Из-за дороговизны или отсутствия покупной материи, любимого ситцу, пришлось вновь обратиться к своей домотканине, в выработке которой прежние поколения достигли большого мастерства. Перед войною почти все население целиком перешло на одежду из покупного материала, при чем носили ее не только в праздник, но и в будни; одевали одежду из домотканного холста лишь для особо тяжелой и грязной работы (для заделя, для курения смолы, для других промыслов и ремесел). Не то происходило в годы разрухи, не то застали и мы еще в 1925 г. Будничной одеждой почти для всего населения, без различия пола и возраста, стали служить изделия из домашнего холста и шерсти. Но лишь только начала вновь подниматься в городах бумажно-ткацкая промышленность, по крайней мере, праздничные одежды вновь стали шиться из ситцу и покупной шерсти. При этом нам приходилось наблюдать, с каким громадным для себя убытком приобретали деревенские модницы городской

товар: 3 аршина прекрасного местного холста выменивали на 1 аршин скверного ситцу, или за 4 аршина холста покупали головной ситцевый платок.

С временным возрождением в годы разрухи местного ткачества возродилось было и набойное дело. При этом вместо старинных, традиционных «рясунков» можно было наблюдать страстное подражание рисункам городских ситцев и сарпинок. То же подражание было совершенно очевидно в домотканых полотнах для платья и кисеях для занавесок. «Красильники» в прежнее время красили домотканину покупными красками, в голодные годы—ржавчиной из болота, толокольницей, гонобоблем, ольховой корой, березовыми шишками.

Что касается покроя женских платьев мы должны отметить, что молодые женщины и девицы цельных платьев почти совсем не носят. У пожилых женщин обычно в праздники цельное платье. В очень немногих деревнях встречаются у старух сарафаны на лямках. Обычно же, как и в будни, так и в праздники, платье состоит из юбки не много выше сапогов или высоких башмаков (у пожилых женщин немного длиннее) в сборку, со складочками поперек юбки или оборочкой, и кофточки с напуском на талии и с сборками на рукавах. Кофта в юбку не вправляется, остается в талии свободной, изредка перевязывается ремешком. Под кофтой подвязывается обычно домотканый передник, называемый часто «фартуком» (см. рис. 6).

Платья молодых женщин и девиц яркие (за исключением старобрядческих деревень, напр. Васютина): красные, зеленые, синие, розовые, желтые, голубые, белые, большей частью, без цветов или с очень мелкими цветочками. Платья пожилых женщин—темные, также без рисунков или с крупными цветами.

Можно впасть в большое заблуждение, если руководиться бытующими в том крае архаическими терминами: «с а р а ф а н», «ф е р е з ь». Эти названия в настоящее время прилагаются вообще к различного покроя и цвета праздничным платьям, даже только к юбкам, будь то покупные или домотканые. Но, конечно, старинные названия проливают свет на историю женской одежды в крае.

Сверх платья или кофты надевается «жакет», старого покроя, с высокой талией и пышными рукавами, «саки» и «польтечки».

Один старик, крестьянин из д. Никольской, мне говорил про свою дочь-невесту: «Девочка замучила меня, што на нее не напасешь: три

Рис. 6.

польтечка купил—польтечко-сак (25 р. дал), потом летнее, потом зимнее. Да она наткавши «шолковые» «одеялы, полотенцы»...

На головах и замужние женщины, и девицы обязательно носят ситцевые платки, повязанные наперед концами: пожилые—темные и белые, молодые—белые и изредка шерстяные и шелковые, цветные.

Повойники и сборники у великорусского населения уже повывелись, носят их только старые старухи. В карельских же деревнях повойник носят еще и молодые женщины, надевая его сразу после венца. Сохранилась память (напр, в д. Пятницкой) о так наз. «клеенках», головном уборе из бересты, оклеенном материей.

Мужская праздничная одежда заключается в следующем: черные брюки на-выпуск («клёш» или «полуклёш») или в сапоги, черный пиджак без жилета, под пиджаком, большею частью, ситцевая (редко шелковая) рубашка—розовая, голубая, красная, белая с вышивкой. На голове черный картуз. На ногах сапоги, реже штиблеты. На ряду с этим наиболее распространенным праздничным костюмом, носят френчи и галифе, гимнастерки защитного цвета, солдатские и красноармейские фуражки. В будни в 1925 г. большинство мужчин носило домотканые портки и домотканые же или ситцевые рубашки. Тот же старик из Никольского мне жаловался на небережливое отношение молодежи к одежде: «я 17 лет носил одну покупную ситцевую рубашку, а у молодых што год—то пиджак, што год—то фуражка». В будни летом крестьянин ходит то босиком, то в лаптях, то в кожаных поршнях, то в чунях. Перед войной лапти было совсем вывелись, а в годы разрухи их носили все поголовно. В 1925 году они стали опять исчезать. Раньше сапоги были покупные, часто из города, теперь «все из своих кож работают. Своё чеботари есь—в Телятниках. Да нужно бросать. Пора опять покупать на ярмонках. Дешевле кожи стали опять». Зимой все носят валенки местного производства.

Как и в городах, остро отражалась разруха в тяжелые годы на характере освещения. Керосиновые лампы освещали уже в довоенное время избы во всех деревнях края. В разруху же население, лишенное керосина, стало прибегать сначала к экономическим коптилкам и лампадам, а затем вернулось к примитивному способу—к лучине, которая лет за 35—30 до этого было совсем уже вышла из употребления. И в 1925 г. кое-где еще можно было видеть светцы («железные уши») с каганцами. Возвращение к лучине сказалось на увеличении числа пожаров. Кое-где добывали собственным умением скипидар. Скипидаром пользовались и для коптилки и для зажигалок. Но зажигалки были не у всех. Многие для закуривания «козых ножек» стали пользоваться опять-таки примитивным образом: кремнем, огнивом и березовой или осиновою коровочкой. И в 1925 г. у иных бережливых крестьян вместо «серянок» в кисете можно было найти эти старинные приспособления. В д. Пятницкой один крестьянин признавался: «хозяйка начнет ругать, што спичек много трачу, пойду наберу коровок, засушу—и сам себе господин».

Покупной табак был недоступен. Крестьяне стали разводить свой табак. Теперь вновь возвратились к покупному.

Подобно табаку заменялся самодельщиной и покупной чай. Покупать чай в 1925 г. еще многим было не по средствам. Чай заменялся яблочным листом, земляничным цветом, зверобоем, сушеной морковью, свеклой, репой, ягодами: земляникой, малиной, черникой.

Техника сельского хозяйства характеризуется низким уровнем ее состояния. 30% крестьянских хозяйств имеют одни сохи. С железными боронами во многих случаях конкурируют деревянные, сделанные из еловых плах, с сучьями вместо зубьев. Для под'ема целины на «нивах», т.-е. на расчищенном из под леса участке земли—применяется более примитивное орудие—«цепуха», едва бороздящее поверхность земли.

Распространенность сох особенно велика в карельских деревнях, где наблюдается только начинающееся внедрение плуга.

Более полное представление о земледельческих орудиях дает следующая таблица, составленная по материалам с.-х. переписи, проведенной экспедицией:

Великорусские селения.

Глебездово колич. дворов	34	хозяйств. с плуг.	0	хоз. только с сохами	30
Ст. Дорка » »	15	» »	14	» »	0
Нов. Дорка » »	14	» »	14	» »	0
Еловики » »	6	» »	5	» »	1
Спас. Горка » »	31	» »	24	» »	0
Спас Забережье » »	101	» »	69	» »	6
Лашемля с Лаш. Горкой	55	» »	45	» »	1
Никольское с хутор.	73	» »	28	» »	23
Телятники с хутор. »	58	» »	37	» »	14
Топальское » »	43	» »	36	» »	0
Соснушка » »	21	» »	14	» »	0

Карельские деревни.

Васютино » »	68	» »	9	» »	44
Заболотье » »	64	» »	0	» »	43
Горшково » »	24	» »	4	» »	20

Остальные хозяйства имеют или плуг и соху или вовсе без инвентаря.

Обращаясь к духовному быту исследуемого района, прежде всего ставишь вопрос о грамотности населения, этом ярком показателе культуры.

Из подробных расспросов местного населения выясняется чрезвычайно тяжелый кризис, который пережила за первые годы революции школа. За годы разрухи произошло определенное снижение школьного дела и в количественном и в качественном отношениях.

Число школ, учащихся и учащихся, в сравнении с 1916 г., сильно сократилось. До революции в Спас-Забережской округе было три школы: 2 земских (в Николо-Теребени, Телятникове), и 1 приходская (в Спасо-Забережье). В 1925 г. было всего лишь 2 школы: одна в Николо-Теребени, другая в Спас-Забережье. Учащихся в 3 школах было перед революцией 300 человек: в Николо-Теребени—90, в Телятникове около—120, в Спас-Забережье—90. В 1925 г. в 2-х оставшихся школах числилось около 90 учеников (около 40 в Николо-Теребени и 50 в Спас-Забережье).

Крестьянство не отпускало детей в школу из-за отсутствия одежды и обуви, из-за желания использовать каждого человека в голодные годы в хозяйстве, из-за неимения и нежелания платить что-либо в школу и ее поддерживать, а также из-за недовольства постановкой школьного дела, отсутствием дисциплины, недостатком книг и учебных пособий, обилием не-учебных дней.

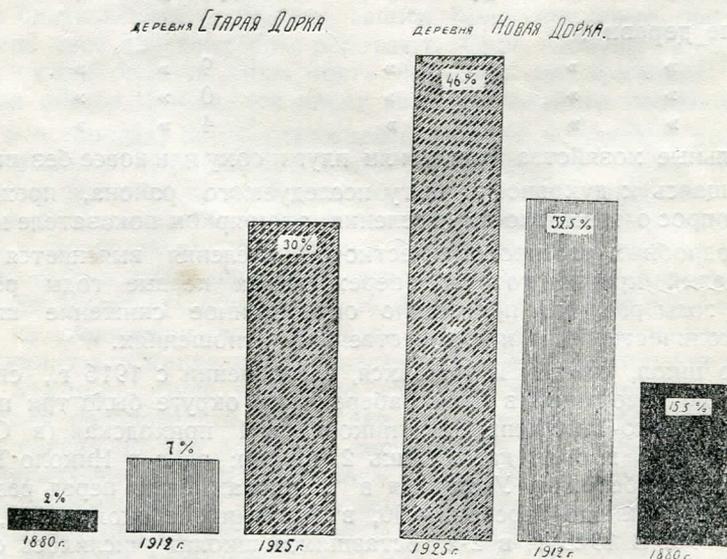
Немалую роль играло в первые годы революции, по признанию некоторых крестьян, и запрещение преподавать закон божий.

В самый последний год перед нашим приездом (1924.—25 г.г.) школа стала несколько оправляться. Сельские советы стали больше обращать внимания на школу. Жалованье учителям стало выплачиваться без задержек (25 р. и 2 р. дотации=27 р.). За жалованьем в уезд отправляется кто-нибудь один из волостных учителей, а затем у него получают остальные товарищи.

Несмотря на пережитый школою страшный кризис, все же общее количество грамотного населения, по сравнению с довоенным временем, возросло.

Особенно ярко выступает рост грамотности среди женщин. В 1880 г.г. был лишь 1% грамотных женщин, в 1912 г. 7,8%, а к 1925 г. грамотность женщин возросла до 30%.

Мы видим неодинаковое распределение грамотности по различным деревням. Не входя в подробности, *) можно однако с несомненностью утверждать, что в этой дифференциации большую роль играют исторические причины. В деревнях прежних государственных крестьян, например в д. «Новая Дорка» грамотность в 1880 г. была значительно выше, чем в бывших помещичьих селениях, например в «Старой Дорке». Это различие наблюдается, хотя и в значительно меньшей степени, и до сих пор. Для наглядности сопоставляем сведения о грамотности «Новой Дорки» и «Старой Дорки».

Количество грамотного населения и в абсолютных и в относительных цифрах, конечно, очень выросло сравнительно с довоенным временем. Но бесспорно, что, из-за разрухи в первые годы революции, темп развития грамотности замедлился. К сожалению, у нас нет точных данных по годам

*) См. подробнее в статье В. Д. Серова «Население».

революционной эпохи. Приходится сопоставлять цифры на расстоянии 13 лет (1912 и 1925 г.). Что касается качественной стороны грамотности, то, по единодушному утверждению крестьян, школьная разруха сильнее всего образом сказалась понижением образовательного уровня. При мне 35-летний крестьянин упрекал только что кончившего школу парнишку в безграмотности. За недостатком книг в школе и в деревне, увеличился рецидив безграмотности. В самое последнее время стали развивать свою деятельность избы-читальни. Но их было в 1925 г. всего 3 (в Лашемле, Васютине и Ермолине). Последняя незадолго до нашего приезда сгорела, говорят, из-за неосторожной гонки самогона около нее.

Газет, по сравнению с годами войны, 1914—18 г.г., выписывалось в 1925 г. очень мало. В среднем на деревню приходится 1—2 газеты (большую частью местные—Тверские). Исключение—деревни Васютино и Заболотье. На первый взгляд эти деревни, окруженные дремучим лесом и далеко отстоящие от железной дороги и городов, должны бы быть наименее культурными. Но, как раз наоборот, они выделяются уровнем культурного развития. В этих селениях мы находим довольно значительное число студентов ВУЗ'ов, из Ленинграда, Москвы, Твери. Одних газет выписывается до 30. Эти деревни, населенные карелами, принадлежащими к старообрядчеству нескольких толков, имели всегда хороший заработок на лесных заготовках, издавна пользовались школами, а также старообрядческими начетчиками. Таким образом интерес к книге, к слову там был велик. Число грамотных в Заболотье в 1925 г.—42%, а в Васютине—53%, что значительно превосходит среднюю норму грамотности по району.

В 1925 г. велась в Васютине и Заболотье усиленная культурная работа месткома лесорубов.

С комсомольской организацией мы встретились лишь в двух селениях района: селе Лашемле и в д. Васютине. В первом из названных пунктов района комсомол находился еще в совершенно зачаточном состоянии, большой политической и просветительной работы не вел, развивая свою энергию преимущественно в направлении драмкружка. В Васютине же комсомольская ячейка оказалась многолюднее и сознательнее. Круг деятельности ее шире, работа сложнее. Об ней можно судить хотя бы по той стенгазете, с выпусками которой нам удалось близко познакомиться. Ячейка вела борьбу, главным образом, на двух фронтах—экономическом, отстаивая интересы лесорубов, занятых в задельи для концессии «Мологолес», бичуя промахи и злоупотребления десятников и других надсмотрщиков, выправляя линию местной кооперации, когда наблюдались нежелательные соглашения с торговцами частниками, и на фронте антирелигиозном. В последнее время Васютинский комсомол был поставлен в исключительные по трудности и сложности условия. Дело в том, что в лесных карельских деревнях, Васютине и соседнем Заболотье, огромное большинство населения старообрядцы, при чем разных толков. Издавна существовала, «беспоповщина» (поморского согласия) называемая в районе просто старообрядчеством, а также «брачное согласие». Но уже в годы революции произошло очень большое событие, сильно взбудоражившее местных старообрядцев. Васютинский богач М. П. Цветов, от которого в прежнее время в экономическом отношении зависела вся беднота и вообще почти все крестьянское население округи, один из ретивых сторонников

беспоповщины, вдруг в Москве принял «поповщину» — «рогожскую веру». По возвращении на родину он увлек за собой очень многих односельчан, особенно из тех, которые привыкли жить и мыслить по его указке. Комсомолу приходится напрягать громадные усилия в борьбе с различными верами. В Васютинской стенной газете «Вперед» от 15-го апреля 1925 г. между прочим, говорится: «Граждане деревни Заболотья и Васютина веруют в 6 вер различного сословия; веры: православная, старообрядческая (т.-е. беспоповщина), брашницкая (т.-е. «брачное согласие»), рогожская, евангелистская и просто Ермиловская. Рогожскую и евангелистскую граждане уже приобрели при советской власти»... Борьба комсомольской ячейки на религиозном фронте усложняется еще тем обстоятельством, что вообще бытовой и религиозный консерватизм в крае, особенно в лесных деревнях, значительно сильнее, чем в других местностях Тверской губ. По нашим наблюдениям и рассказам местных жителей, большинство молодежи даже в такой культурной деревне, как Васютино, все еще идет за стариками. По прежнему соблюдаются посты, обряды, предписания того или другого религиозного толка.

У старообрядцев Васютина и Заболотья имеются «начетчики». В избах Васютина и Заболотья в красных углах много старинных образков (особенно много литых). Под иконами висят «лестовки», на лавках под образами лежат «подручники». Между представителями различных «вер», происходят частые споры, и они вносят нередко большое оживление в быт старших поколений.

В православном населении края, несмотря на почти полное отсутствие комсомола, молодежь проявляет большую свободу и независимость по отношению к религиозному консерватизму стариков. Это сказывается и в несоблюдении обрядов, в неаккуратном посещении церкви, в полном равнодушии к религиозным спорам православных со старообрядцами и евангелистами.

Однако эта свобода и независимость молодежи не введена в русло организованности, самодисциплины. Она проявляется зачастую в беспринципном озорстве, брани, драках, поножовщине, хулиганстве, пьянстве, картежной игре. Обилие традиционных деревенских праздников (по нескольку в год на каждую деревню), гулянье молодежи на всех праздниках своей деревни и всех окружающих деревень — питают этот бесшабашный разгул. Старики отмечают, что этот разгул ведется, главным образом, с начала всемирной войны, с «проводов» призванных и «встреч» отпусковиков. Наличие огнестрельного и холодного оружия в руках молодежи, при усиленном потреблении самогона и пива, привели к тяжелым бытовым явлениям.

Старик крестьянин из д. Никольской В. П. Большаков говорил мне о молодежи: «Праздники проводили в старину лучше: поют, пляшут. Драки бывали, но не смертельные. Иногда ударит кто кого в щеку, да и то в шутку. А теперь ни одного праздника не проходит, чтобы не было убитых или раненых...

«Теперь вот один (не из нашей деревни) сидит — сразу двоих зарезал. А у нас один тоже сидел, мало, только, — одного зарезал. А в моих то годах этого и на слуху не бывало. У нас теперь на праздниках страшно каметелятся. К вечеру мы, старики, запираемся. Парни так начнут стрелять, что страшно. В Никольском, кроме Пасхи, пять больших праздников: Летняя Микола, Смоленская, Покров, Зимняя Микола, Рождество».

Хулиганство осознается самой молодежью. Свидетельством этому многочисленные «хулиганские» частушки, переходящие в откровенную «исповедь хулигана»:

Где на нас кинжалы точат,
Мы туда гулять идем.
Либо нас двоих зарежут,
Либо мы троих уьем.

Меня били, колотили
В чистом поле на крестах,
Проломили мне головушку
В семнадцать местах.

Пятницкие ёжики—
У них в карманах ножики.
У них три гири на весу,
Пистолет на поясу.

По моей головке ловко
Гиря прокатилась.
Моя розова рубашка
Кровию облилась.

Ах, кто пятничных заденет—
Тот недолго наживет:
Через белы мои рученьки
Во сыру землю пойдет.

Хулиганство нередко переходит всякие границы, и сам разбуянившийся хулиган откровенно сознается в своей дикости:

Мы гуляем, как собаки,
Только без ошейника:
Протокол за протоколом
На меня мошейника.

К описанию праздничных развлечений молодежи мы еще вернемся. Сейчас остановимся на религиозной стороне крестьянского мировоззрения в крае.

Большую роль в привитии религиозных настроений у местного населения сыграл исстари существовавший там Николо-Теребенский монастырь с чудотворной иконой Николы-Теребенского, которую и посейчас ежегодно носят по нескольким уездам Тверской губ. Эти ежегодные «ходы» чудотворной иконы, а также наплыв на поклонение ей населения из ближних и далеких деревень, особенно в традиционные ярмарочные дни, создали монастырю в свое время достаточную обеспеченность и заинтересовали экономически окрестное крестьянство. Периодический наплыв на богомолье и ярмарку давал ближайшим деревням доход от постояльцев. Теперь на монастырских землях организован совхоз «Труженник». Значение монастыря пало, но влияние монастыря сказывается на многих религиозных легендах и рассказах, бытующих в местном населении.

Между прочим слух о реставрационных работах в старинных церквях и монастырях возродил старую легенду: «Видала ты, у Николы лик какой бленной стал, почти не винно ево. Так он их к себе не допущает. Сколько раз маляры его краской покрывали, хотели лик подновить, а краска-то все сходит. Не нравитца угодничку с новым ликом быть».

Религиозных и исторических легенд, связанных с местными урочищами, бытует в том крае очень много. Из Никольского будто бы видно, как на бывшем кладбище на Спасской Горке по ночам горят свечи. Многим снилось, что под камнем около трех ручьев за д. Никольской находится клад. В Литовское нашествие будто бы устюжане зарыли драгоценности; устюжане приезжали и отрыли «по летописи» эти сундуки.

Суеверие в крае сидит еще очень глубоко. Вера в колдунов, в ворожей, в знахарей, в ясновидение, в сглаз, в порчу, в заговор, распространена во всех возрастных слоях населения деревни. Сила убежденной веры видна хотя бы из такого замечания одного старика крестьянина:

«А вот у одной родственницы ейный свекор—такая ворожея: и делат и делат и все выходит. У него даже есть бумага от правительства, штоб никто ево не тронул: очень правильная ворожея».

«В Кожихе нашолси человек—указал двум мужичкам, где лошади: «Пойдите, в свое деревню—вам встретится мужик черной и белая баба, они вам скажут, где лошади». Вот подходят к деревне, им навстречу, действительно, мужик с бабой. Спросили. Те указали, где два дня как лошади бегают».

Много очень рассказов о порче женщин. «Этих порченных баб много. Женщина была: как несут образ Николая чудотворца, так и рукам и ногам. Кричит: «Не надо. Куды несете».

«Племянница есть у меня. Муж у ей пропал без вести. И собьется вдруг с памяти, и задурит, и рубаху снимет, и нагой пойдет. И сила большая, и страшно, и тело, што уголь горячий. Ее держат, она рвется. Два раза с ей повторялось.—С деверем прижила ребенка, а деверь потом женился на другой... «Кликуша зачнет выкликивать тово, кто ее испортил. А портят часто». «Какие он антересы получает человек от порчи?—Вот обещает кто, парень какой, взять девушку, а женится на другой. «Я ево доступлю»—скажет (девушка). «Выведу весь двор до шерстиночки». Найдет человека и с помощью этого человека найдет порчу».

«Вот недавно такая девка так погрозила,—у мужчины корова и заболела. Вот суд будет. Она от этого мужчины прижила ребенка. Отец ее говорит: «Возьми ее замуж». А мужчина этот отперсы. Она и испортила корову... Што ей, (девке), милой человек, будет теперь?»...

Вера в порчу связывается и с хозяйством, с земледельческими работами. Напр., накануне перед жатвой крестьяне сжигают по два снопа с полосы, чтобы предохранить рожь от порчи. По убеждению крестьян, женщина колдунья, нагая или в одной рубашке, тайно проходит по ржаному полу и срезает колосья вдоль полосы или же наискось: «снимает спорынью». Два снопа, сжатые накануне, в силе оберечь полосу от порчи. (Рассказывалось в с. Лашемле). Заговоры, заклинания, заклинательные действия практикуются очень широко. Вот два—три примера, записанные от группы женщин (старой и среднего возраста) в с. Лашемле.

Больного ребенка парят в печке и приговаривают:

«Бабушка Саламанида, которая Христа парила, повивала—нам приказала: от серого глаза, от белого глаза, от черного глаза, от карего глаза, от кривоногого, от седоволосого, от малоглазого, от стрижняка, поперечника, от девицы-красновицы, от лютого зверя».

Чтоб ребенок хорошо спал, его парят в печке и приговаривают:

«Ношница, полуношница, ни лелеять, ни качать, ни покой держать. Есть тебе дело по лестнице ходить. Отойди от мово младенца, дай ему покой. Зарязаряница, красная девица, твои дети исть хотят, мои дети спать хотят».

После кладет бабка ребенка в люльку, отрежет хлеба, с ножиком и хлебом пройдет три раза кругом люльки встречу солнца и 3 раза приговаривает: «Ношница, полуношница, мягким хлебом наешься, острым ножиком зарежешься».

Пережитки т. н. «аграрной магии» очень многочисленны. Есть заклинания и заклинательные обряды, связанные с различными сельскими работами и их сезонами.

Остановлюсь на некоторых наиболее ярких примерах этих пережитков.

Накануне Егорьева дня крестьянки месят тесто, пекут два круглых пирога, называемых «мольниками», в которые запекают по яйцу со скорлупой. При этом в первый мольник кладется первое снесенное курицей яйцо, во второй любое яйцо. Затем берут мольник, свечу, икону Георгия Победоносца, четверговую вербу, идут в хлев и кормят мольником всю скотину, а яйцо бросают в реку. Потом выгоняют скотину в поле, но так, чтоб каждое животное перешагнуло через четверговую вербу. Затем каждая крестьянка берет по другому мольнику и идет в поле. Там сгоняют всю скотину в одну кучу. Мужики держат лошадей отдельно. На поле приносят икону Георгия Победоносца. Священник служит молебен и 3 раза обходит весь скот кругом, кропя его святой водою. Каждая крестьянка ломает мольник на мелкие куски, посыпает его четверговой солью, все садятся в кружок, и начинается угощенье. При этом поются песни, приуроченные к Егорьеву дню.

В день «Покрова», чтобы задобрить домового, крестьяне нажинают в поле последний большой сноп. Жнут его в торжественном молчании. Вечером, когда скотина приходит с поля, сноп этот настилают, думая, что он предохранит скот от порчи.

Еще сравнительно недавно в большой полноте выполнялась весенняя заклинательная обрядность. Теперь сохраняются лишь раздробленные ее остатки. Таковы, например, остатки заклинаний на скорый приход весны: в великий четверг варят кисель, и выйдя на улицу, кричат: «Мороз, мороз, иди кисель есть». Кисель в данном случае символический образ весенней распутицы. В четверг же кое-кто еще пережигает «четверговую соль», до восхода солнца ходят в лес за можжевельником. По рассказам иные крестьяне на заре, совсем голые, с яйцом в руках три раза обегают избу. Яйцо, как известно, символ плодородия, и в этом обряде нельзя не видеть пережитка весенних заклятий на урожай.

Богато была представлена в крае троицкая весенняя обрядность, связанная с почитанием расцветшего дерева. Вот что удалось записать об этой обрядности в с. Спас-Забережье, в д. Никольской и в Васютине.

В Егорьев день, 23 апреля, девушки вместе с парнями идут в рощу, и каждая девушка завивает березку, т.-е. завивает одну из веток в колечко и завязывает колечко ситцевой тряпочкой. Девушки при этом загадывают на себя, припевая:

Березка, березка,
На смерть—завянь,
На житье—распуйкайся.

В Петровское заговенье, в следующее воскресенье после «Троицы» (в «день всех святых»), молодежь вновь приходит в лес и смотрит, чья березка завяла, чья нет. Березку далее развивают.

Каждая из девиц затем несет свою ветку, а, кроме того, сообщая рубят березку, увешивают ее лентами. На березку посадят сделанную из тряпок куклу, и с березкой, ветками и куклой направляются к реке

(Мологе). Березку ломают и бросают в реку, а куклу испортят, т. е. разденут, и каждая девушка возьмет назад свои тряпочки и ленточки. На берегу поют все время песни. За последние годы обряд этот почти не соблюдался.

В д. Васютине, по рассказам Василисы Вьюгиной, обряд совершался лет 30 тому назад с любопытными отличиями: «В заговенье перед Петровым постом пойдут девки в лес срубить березку. Срубят березку, повесят много ленточек, сажают двухлетнего ребенка на березку и несут в деревню с песней:

«Нам не надо в люди торопиться:
У нас и дома очень хорошо».

Эти обряды, сохранившиеся до недавнего времени в Верхне-Моложском крае, с точки зрения этнографической, имеют исключительное значение. В них с большой наглядностью можно видеть пережитки широко распространенного в глубокую старину культа умирающего и воскрешающего бога растительности. Этот культ, наблюдавшийся почти у всех земледельческих народов, живших по берегам Средиземного моря, обстоятельно изучен и ярко освещен в трудах знаменитого английского ученого Фрэзера. Фрэзер сопоставляет, между прочим, славянские обряды с древними культами: египетского бога Озириса, финикийского Адониса, вавилонского Таммуза, фригийского Аттиса, греческих божеств Гиацинта, Нарцисса, Диониса, Персифоны...

В этих отрывках древней обрядности, сохраняющихся у современного русского крестьянина, звучит голос глубокой древности, той языческой религии, которая характеризуется моментом «аграрной магии». Символизируя потоплением или растерзанием человекоподобной куклы смерть бога растительности, в прежнее время вслед за этим праздновали воскрешение божества. Веселые песни на берегу реки, после потопления растерзанной куклы—пережитки второй части обряда: праздника воскрешения. Ежегодные обрядовые изображения смерти и воскрешения символизировали сезонную смерть и возрождение природы. Правда, с течением времени отчетливый смысл обряда забывался и воссоздается лишь научными изысканиями. *)

Вот почему дороги для этнографа малейшие детали этих обрядов.

Близок по своему значению к «троицкому» другой весенний обряд—проводы масленицы, до сих пор довольно отчетливо сохраняемый в быту. Обряд, повидимому, сохраняется полнее потому, что дает больший простор для разгула, бесшабашного веселья, озорства мужской части молодежи. Описание обряда записано нами со слов местных крестьян в с. Лашемле и в д. Никольской.

В прощенное воскресенье, пока старые прощаются на кладбище, молодежь украдет (неприменно нужно украсть) дровни или деревянную борону (положив последнюю, зубьями кверху), накладывают дров, воткнут сноп соломы, обольют керосином и к вечеру вывезут эту «масленицу»

*) См. об описанных обрядах и культах в популярном изложении в книжке проф. Е. Г. Кагарова. Религия древних славян. Москва. Изд. «Практические знания». 1918 г. стр. 51—57. Подробнее: Frazer: The golden Bough. III т., 3-е изд., London, см. также: Frazer: Attis, Adonis, Osiris. 2-е изд., 1907 г. Есть русский перевод книги Фрэзера—«Фригийский культ Аттиса и христианство». Перевод с англ. проф. Г. С. Фельдштейна, изд. «Новая Москва» 1924 г.

через всю деревню в ржаное поле и кричат песню: «Полно, зимушка, зимовать», а затем начинают (в д. Никольской) дразнить какую-нибудь пожилую женщину, обычно ту, которая легко раздражается и бранится. Она выходит из себя, ругается, грозит топором, а молодежь хохочет и поет песни, которые, из-за неприличия их содержания, мы здесь не приводим.

В поле зачастую встречаются с «масленицей», вывезенной из другой деревни. Молодежь гоняется друг за другом с горящими пучками соломы, головешками. Стараются друг друга столкнуть в огонь. Когда масленица начнет догорать, кричат:

Масленица, прощай!

На другой год приезжай.

Нам особенно посчастливилось в отношении свадебных обрядов: записано было несколько свадебных обрядов полностью. Похоронный обряд не удалось наблюдать. Записали мы однако несколько похоронных причетов. Но и эти немногие образцы своей выработанной поэтикой говорят за то, что в данном крае поэзия похоронных причетов была богато и издавна развита. Установленность традиционных поэтических обрядов и формул в причитаниях заставляет предполагать наличие в прежние годы профессионалок-причитальщиц. Да и теперь еще нам пришлось встретиться там с несколькими женщинами, которые славятся в округе, как талантливые плакуши-специалистки.

Вот причет («плач по мужу»), записанный нами в с. Лащемле от 74-летней старушки Авд. Ив. Сорокиной:

Ах, да на ково же ты оставил меня да молодешеньку?

Ну и худо будет мне, удалая головушка, *)

Без тебя жить мне, горькой сиротинушке.

Понарушатся да на меня ветры буйныи,

Понасудятся да люди добрыи,

Да понаслушаюсь да я, бенная горькая,

Я да слов напрасных да небыльных. **)

Эх, не будет надо мной свител месяц светить,

И да не будет меня голубить удалая головушка. ***)

Эх, оставил ты меня серой кукушечкой,

Эх, да куковать буду я, серая кукушечка,

Эх, я серая, да я безгнезная,

Безгнезная, да бесприютная.

При повторении причета А. И. Сорокина некоторые строки варьировала, как это обычно и бывает у профессиональных плакуш-причитальщиц: они следят за сохранностью общей композиции и установленной поэтики, но в пределах этой установленной поэтики обычно импровизируют.

Вот от той же А. И. Сорокиной записанный «плач сироты по отцу или матери»:

Ох, да на ково же ты меня, родимая матушка,

Ох, расположилась ты, обнадеялась?

Ах, оставила своих родных детушек,

Своих малых и глупых.

*) Вариант: Да не будет мне хорошо без тебя бедной головушке.

**) Вар: Эх, да не быльных слов, да напрасных.

***) Вар: Эх, да не приголубит меня буйная головушка.

Ах, да как нам жить будет, сиротинушкам *)
 Ой, да без тебя то, родимая матушка.
 Понатерпятся твои ронные детушки,
 Они холоду и голоду.
 Не пригреет их красное солнышко,
 Не приголубит их родимая матушка.
 Понарушатся на них ветры буйные,
 Принасядутся на них да люди добрые.
 Они будут ленивые и неприспешные,
 Они круглые сиротинушки.
 Пожалеть их будет некому,
 Приголубить их будет некому,
 Понашатаются они, наскиляются,
 Ходючи по людям добрым,
 Понаскучат они людям добрым.

Свадебная поэзия тоже изобилует причетами. Они выполняются или невестой и ее подругами, которые предварительно научились причетам от плакуши, или же специально приглашенными плакушами, которые ведут причет, а невеста или ее подруги ей вторят. Привожу сначала причет, исполняемый от имени невесты после рукобיתья. Причет берется из записи свадебного обряда, сделанного нами в с. Лещемле от трех женщин: Прасковьи Дм. Миролюбовой 32 лет, Авдотьи Ивановны Сорокиной 74 л. и Матр. Як. Кузихи 54 лет.

Пройду я, бенная, горькая
 Што к тебе, кормилец батюшка.
 Как же подошли твои скорые ноженьки
 И поннялися твои белые рученьки
 Запоручить то меня, молодешеньку,
 За поруки то меня за крепкие,
 За замки то за железные,
 На житье меня вековечное,
 На злодейское житье замужнее.
 Што же я тебе надоела, напрокучила?
 Не сжалел ты меня бенную, горькую.
 Вить ты знаешь, кормилец батюшка,
 Што минуется мне вся вольная валюшка
 И минуется все мое веселое гуленьице,
 Все веселье мои песенки.
 Простае тая пора-времячко,
 Што тяжелое житье замужнее,
 Што как худо то нам будет жить в чужих людях,
 Угождать и упаковать на чужово отца с матерью.

Характерны признания А. И. Сорокиной о жизненной правде и психологической глубине свадебных причетов: «Кажинную девку я оплачу. Девки перед свадьбой приходят: «Научи, бабушка». Один раз на свадьбе плачу, а поглядельщик и спрашивает: «Што это молодуха то плачет?»— А другой говорит: «Ей осьмина ржи посуливши». А я никогда и не беру...

*) Вар.: Ах, оставила нас да сиротинушек.

Онна девица перед свадьбой пришла: «Научи, бабушка, плакать. Ничего не знаю». А через год вижу, сама плачет. Причеты на ум пришли, как замужем год прожила. Уж как поживешь, да хватит тебя по сих пор то.

Это бесконечная песня: ей конца краю нет. Я то все песни позабыла, а вот этой научилася»...

В свадебной обрядности сохранилось во всей почти неприкосновенности «прощание с девичьей красой», которая обычно в том крае символизируется лентой, вплетаемой в косу девушки, а также березкой, украшаемой лентами из кос. Привожу причет, записанный от Ольги Петр. Малешиковой с хутора Захарова, близ д. Телятниково. «Когда косу расплетают», невеста пеняет брату:

Уж ты, братец мой миленькой,
 Ты возьми ко си востер топор,
 Ты сходи ко си в леса во темный,
 Ты сруби ко си белу березыньку,
 Ты поставь ко си ее под окошечко,
 Повесь ко си мою девичью красу,
 Штоб подуло ее ветром буйным,
 Попекло бы солнцем красным,
 Помочило бы дождем частым.
 Што покучусь я вам, братец миленькой.
 Ты возьми ко си востер топор,
 Ты сходи ко си в леса во темный,
 Наруби ко си лесу ровново,
 Напили ко си домок теремок,
 Ты поставь мою туды девичью красу,
 Штоб не хватало бы ветром буйным,
 Не пекло бы солнцем ясным,
 Не мочило бы дождем частым.
 Што покучусь я вам, братец миленькой,
 Што не брось ты кормильца-батюшку
 И родимую матушку
 Ты при старости их, при древности.

Тогда невеста говорит подруге:

Ты, голубушка, моя подруженька,
 Буду кучиться тебе, кланяться,
 Ты возьми мою девичью красу,
 Девичью красу, вольну волюшку.
 Ты повыгуляй ее, повыноси
 У кормильца своего батюшка,
 У родимой у матушки
 На вольной волюшке.

Если подруга сирота, она отвечает невесте:

Ты не кучься, милая подруженька,
 Што своей ты девичьей красой,—
 Што не повыносить мне, не повыгулять,
 Што своей-то мне девичьей красы,

Без кормильца то мне без батюшки,
 Без родимой то матушки.
 Што она тоска мне кручинушка
 Во лесах то мне во темных.

Песни свадебные сопровождают по традиции каждый момент свадебного обряда.

Так, при расплетании косы поется знаменитая старинная песня в следующем варианте (записан от 18-летней девушки Марьи Вас. Большой в д. Никольской):

Что не в трубушку трубят
 Рано по утру,
 Золотую тут трубят
 По утренней заре—
 Марьюшка плачет
 По русой косе.
 Што свет моя косынька
 Русая была,
 Што вчера тебя, косынька,
 Девушка плела.
 А севонни тебя, косынька,
 Свашенька плетет.
 Заплетет тебя свашенька
 Вкруг головы.
 Назовут тебя, Марьюшка,
 Арсеньевой снохой,
 Арсеньевой снохой,
 Николаевой женой.

Когда невеста отправляется из родного дому к венцу, девушки поют:

Соежжала-то Марьюшка	Проживи, кормилец батюшка,
Со широкова двора,	Без меня.
Соежжала Васильевна	Што при мне тебе, батюшка,
Со батюшкова.	Тесно было,
Што срубила березынку	А теперь тебе, батюшка,
Пол дерева:	Весь простор.
Постой, постой, березынька,	
Без верху.	

Из других свадебных песен перечисляю: во время сватовства или рукобития: «Потихоньку сват сватался, понизешеньку сват кланялся», «Из-за лесу лесу темного, из-за облака черного вылетала стая гусиная, а другая лебединая». Перед благословением: «Што во новой то во горнице, во светлой то светлице, две свечки тлеются, уж как Марья богу молится», «Растопись ко се, баенька, расколись ко се, каменка». Перед отъездом к венцу: «Не было ветру да наваяло, не было гостей да наехало». Жениху перед отъездом за невестой: «Во саду было садике, в зеленом виноградунике», «Как Ивану то матушка наказывала, ты поедешь, мое дитятко, жениться». Песня сироты-невесты: «Много, много у сыра дуба, много витья,

много по́витья». Перед венцом невесте: «Уж ты, девица, изменщица, всем подружкам переменщица». После венца молодой: «Залетела пташечка ко соловью во клеточку», «Што не шолковая ленточка к стенке льнет, Иванушка Марьюшку к сердцу жмет». Величальная молодому: «Стучит, гремит, стучит, гремит под вороним конем» и т. д.

Традиционный свадебный обряд в том крае распадается на следующие основные моменты (имею ввиду вариант обряда, записанный в с. Лашемле): 1) Сватовство. 2) Рукобитье. 3) Канун свадьбы: а) заплетение и расплетение косы, б) байна (баня), в) вечерины (девишник). 4) День свадьбы: а) дожидают свадьбу, б) от'езд к венцу, в) привоз сундука от невесты в женихов дом, г) свадебный стол. 5) Другой день свадьбы: а) утро, б) княжой стол, в) отводной стол.

Жених величается на свадьбе князем, невеста княгинею. Гости со стороны жениха, участвующие в свадебном поезде, носят традиционные названия: дружка, подружье, большой барин, меньшей барин, тысячный. Значение этих свадебных чинов однако уже сильно искажается. Так, про тысячного женщины, описывавшие нам свадебный обряд, сказали: «Хотя он и тысячный, а он последний чин: для смеху».

Свадебный обряд переполнен загадками и присказками дружки. Так, дружка приглашает родителей невесты в дом к «свадебному столу»:

Просим мы к нашему князю нареченному:
Семеро саней и по семеро в сани.
У нашего нареченного хлеба-соли по горло,
Лошадкам сена по глотку,
А овса по щетку.

При всем обилии драматических и лирических моментов особенно в женской лирике — в причитаниях и в песнях, свадебный обряд отличается примитивной откровенностью, доходящей до публичного оглашения самых интимных физиологических сторон брака, что зачастую является причиной в дальнейшем горькой судьбы женщины, ее позора. Так, до сих пор сохраняется обычай во время каждого стола (на другой день свадьбы) в доме молодого или на масленице, на блинах у тещи, раскрывать родным молодых, сохранила ли молодая до брака невинность. Это раскрывается при помощи следующего символического действия: молодому подают яичницу. Если молодой начинает ее с середины, то значит молодая не сохранила до брака невинность. Если же молодой начинает яичницу с краю, то все обстоит благополучно. В первом случае молодая считается опозоренной на всю жизнь. Иногда молодой не выдает молодую, но если деревня узнает, то все равно молодой житья нет.

Как и повсюду в деревнях, свадьба в изучаемом крае требует больших расходов, так как гостей приходится приглашать очень много. Число подарков со стороны невесты (домотканные полотенца, ширинки, платки, кисеты) также очень велико. Запасаются эти подарки девицами еще задолго до свадьбы.

Свадьба была центральным событием в жизни женщины. Как мы видели, к этому своему празднику девушка готовилась задолго, работая на ткацком станке и пяльцах, разучивая причеты и свадебные песни.

Песни старинные, долгие, протяжные еще живут полной жизнью, но уж больше у старух и женщин среднего возраста. Молодежь в последние годы, не забывая старых протяжных песен, отдает предпочтение уже главным образом «мельконьким» песням, т.-е. частушкам.

Репертуар долгих протяжных песен очень обширен. Мы записали их великое множество. Среди них есть прекрасные варианты известных старинных беседных и семейных песен, в которых с такой глубиной выражается горькая судьба женщины-крестьянки.

За недостатком места ограничусь перечислением некоторых из них. Старые долгие песни: «В поле травушка не вянет и цветочки не цветут», «Вы заводы, мои заводушки», «Гуляет по Дону казак молодой» (587), «Зимушка, зима, зима холодная, я прошу тебя да не морозь меня», «Как у ключика было у студенова», «Кругом, кругом осиротела», «Лучинушка», «Мил отправился-поехал во путь, во дорожку», «Мне севоньяшний день скушной», «Нам не надо в люди торопиться,—у нас и дома очень хорошо», (541), «Не пади роса, росынька, на темные леса», «Невеселая беседушка, где мой милой пьет», «Не во времечко снежки белы выпадали», «Не во нашем ли во полوشке ветер подувает», «Не все горюшко приплакать, не все и притужить», «Нет на свете боле горя, как севонья у меня» (428, 570), «Не хотелось мне, девушке», «Нигде милова не вижу», «Никому я не скажу, я куда гулять пойду», «О чем ты, ронная тоскуешь» (499, 542), «Пойду я с горя в чисто поле», «Полно, полно вам, ребята, чужо пиво пити», (386) «Полоса-ль моя полосынька, полоса ль моя широкая» (50), «При весельи хожу я при радости» (554), «Прощай, жись, радость моя» (516), «Скушно мне, девушки, одинокой жить», «Сонце за лес закатилось» (511) «Ты долина моя, долинушка», «Ты не пойко си, соловушка, не пой вольной молодой», «Ты, рябинушка, ты кудрявая» (584), «Уж вы, горы мои, горы Воробьевские», «Што во прошлом то году уродилось много ягод во бору» (477), «Што из-за лесу, лесу темнова» (479), «Што ты Маша, Маша приуныла», «Што я, девушка, сделала», «Ваня в Питере родился» (470), «Эх, ты Ваня, разудала голова», «Ярослаф то ли город да лучше Питера» и др. *)

Кроме того в большом числе бытуют переработки романсов и стихотворений. Из более старых переработок романсов укажу: «В лесу при долине поет соловей, а я на чужбине забыт от людей», (674), «В калиновой роще птишки распевают» (595), «Вольна птишка канарейка, вспотешай горе мое» (556), «Никто меня не пожалеет, никому меня не жаль», «Ништо во полюшке не колышется», «Последний час разлуки» (675), «Над серебряной рекой, на златом песочке» (682), «Рассыпаются белые розы, и в саду не поет соловей», «Сказали не придет, мил не вернется вновь» (586), «Спят все рощи и долины» («Мальвина» из песенников). Наконец, укажу переработки стихотворений и песен, занесенных в деревню более поздней городской средой: «Быстры, как волны», «Чудный месяц», «По синим волнам океана», «Славное море, священный Байкал» и т. д.

Мужская молодежь с большой охотой распекает уже революционные песни: «Интернационал», «Марш Буденного», «Кузнецы», «По морям», и другие. Эти песни обычно распевались студентами, участниками экспедиции,

*) Цифры означают номера соответствующих вариантов в сборнике Б. и Ю. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» М. 1915 г.

и деревенская молодежь почти всегда сразу, с большим удовольствием подхватывала, как очень знакомые и близкие.

Но пока собственное поэтическое творчество мужской молодежи в тех деревнях проявляется лишь в переработке и создании озорных частушек, образцы которых были приведены. Лишь у немногих парней (мы встретили человека—3) тяга к собственному творчеству выражается в стихотворных опытах. Пусть эти стихи очень наивны, не искусны, чрезвычайно подражательны, программны и прозаичны, но вне всякого сомнения, что с развитием на месте культурно-просветительной работы, с размножением изб-читален и клубов, с улучшением школьного дела и с большим проникновением периодической печати в деревню, наконец, с развитием местного селькорства,—эти опыты будут увенчиваться успехом и давать более яркие результаты.

Женская молодежь увлекается, как я уже сказал, пением переработанных романсов, но главным образом частушек. При этом женские частушки отличаются подлинной поэзией, нередко большой тонкостью и нежностью чувства. Можно смело утверждать, что женская устная лирика процветает: не только поются песни, занесенные со стороны, но бесспорно многие сочиняются на месте. Старшее поколение однако, ценя старинные «долгие» песни, с некоторым пренебрежением называет частушки «мелконькими». Девичьи частушки нередко соединяются в серии, при этом получается как бы песенный диалог:

Дорогая ты подруженька,
Цветочек дорогой,
Передай мои поклоны—
Сама знаешь кто милой.

Передать то мне не трудно,
Милая товарочка,
Только примет ли поклоны
От тебя забавочка.

Или другая серия:

Подошла я к быстрой речке,
Встала на коленочки,
Скажи, речка, два словечка,
Что делать мне девочке.

Отвечает да мне речка:
Милая товарочка,
Уважай, так не изменит
Дорогой забавочка.

Уважать я не согласна,
Расхорошенький ты мой.
Пуская тая уважает,
Кая бегат за тобой.

Частушка, как и вся женская лирика в деревне,—голос сердца. Девушка несколько наивно, но вместе с тем очень правильно говорит о песнях:

Запевай, подружка, песню,—
Мне не полагается:
Которую ни запою,
Все кровочки касается.

Но вместе с тем песня—орудие защиты, самообороны и мести девушки. И это орудие, как известно каждому, знакомому с деревенским бытом, очень острое.

Изменил меня кровинка,—
Думал с горюшка помру.
Я теперя, мой хороший,
Тебя песенкам дойму.

Песня—стихия, владеющая человеком,—страсть. Песня утешала в горе деревенскую женщину в старые тяжелые времена. Песня—спутница деревенской женщины и в новых условиях жизни:

Песенка—душа моя,
За песенки бранят меня.
Идет тальянка—не стерпеть,
Не перестать мне песни петь!

Общественная новая жизнь в том крае однако еще слабо осознается женщиной. Девушки еще несамостоятельны, идут лишь как бы на поводу у своих «кровочек». Вот характерное признание в частушках:

Говорят,—я комсомолка.	Дорогая ты подруженька,
Комсомолкой не была.	Мы обе комсомолочки.
С комсомольцем постояла:	Мы не сами записались—
Комсомолкой стала я.	Записали кровочки.

Девушке однако приходится выдерживать из-за комсомола борьбу со стариками:

Мне купили бело платье
И сказали—не марай.
А еще чего сказали?
— С комсомольцем не гуляй.

Изменения в экономической, социальной жизни, происходящие в деревне, воспринимаются девушками по прежнему лишь с субъективной, слишком личной стороны. Отмеченное нами выселение на хутора и выселки, вызванное многими экономическими общими и частными причинами, преломляется в сознании девицы лишь, как разлука с компанией подруг, с деревенскими гуляньями:

Поживите-ка на хуторе,
Поверите вы мне:
Мне, молоденькой девчончке,
Гулянье на уме.

Кстати о гуляньях. Эти ежедневные гулянья заключаются в пении песен, частушек и в пляске. Пляшут исключительно «русскую», «кадрель», и «кружок» (см. рис. 6). Городских модных танцев совсем не знают. В этом большое отличие от центральных и южных уездов Тверской губ. Вспоминаются впечатления студенческих поездов Тверского Педагогического Института в б. Старицкий уезд еще в 1920 и 1923 г.г. В некоторых деревнях еще тогда мы видели, что молодежь танцевала с полным умением столичные танцы—вальсы, краковяк, лезгинку и многие другие. Танцевали под аккомпанимент струнного оркестра: балалаек, мандолин и гитар. Не то в Верхне-Моложском крае: здесь монополюбно господствует—«тальянка», гармошка.

В крае, полном еще воспоминаниями о крепостном праве, не мало сохраняется рассказов о сердитых, злых и жестоких помещиках. В дер. Столопове есть несколько семейств, предки которых были вывезены в эпоху крепостного права из Рязанской губ. Старик крестьянин Лука Григорьевич Шолмаков, 74 лет, помнит, что его отец со всем своим громадным семейством и еще другими крестьянами был выигран в карты местным

помещиком Головиным у одного помещика из Рязанской губ. Семья Шолмакова и другие четыре семьи были очень людны и богаты. Пришлось покинуть родные деревни и дома, на лошадях перебраться со всем скарбом в Столопово. Семьи сразу обедняли, так как переезд подорвал экономическую прочность их хозяйства, и они долго не могли привыкнуть к новым условиям быта и суровой природы, в частности долго не могли освоиться с тем, что в данном крае тяжелой крестьянской работой (пахотой и т. д.) занимаются и женщины. В языке многих Столоповских жителей еще явны черты рязанского говора.

В с. Лащемле, которое и сейчас делится на три общины, называемых по фамилиям их бывших владельцев, 80-летняя старушка, бывшая дворовая, вспоминала: «Помещица Лухменьева своих крепостных сажала на горячую плиту... У нее было много собак. Если кухарка плохо сварит суп собакам, то барыня нальет этого супа в повойник и потом выльет ей на голову... Одну девушку на чердаке повесила. Когда ее похоронили, то она долго на погосте чудилась. Теперь то перестала чудиться... Ткачихам нельзя было и посмеяться,—барыня излупит всех в кровь»...

Что касается сказок в собственном смысле, то их записано было не много. Нам удалось познакомиться с знаменитым в округе сказочником Федором Кувой (из д. Никольское, около с. Спас-Забережье). О нем мы слышали уже на 2-й день приезда, когда были в Столопове на празднике. Но тогда свидеться с ним не удалось. Через некоторое время, попав в Никольское, мы опять-таки не смогли повидать Кува: он, видимо, из за присущей ему робости и застенчивости, уехал в Максатиху. Может быть, тут роль сыграли слишком настойчивые уговоры односельчан показать приезжим свое мастерство. Добиться встречи с Кувой удалось под самый конец нашего житья в том крае, накануне отъезда. Чрезвычайно высокий ростом, несколько неуклюжий, застенчивый он на первый взгляд произвел впечатлительное какого-то чудака. Но стоило ему начать рассказы, то мы сразу должны были согласиться, что молва не даром о нем говорит. Самая отличительная его черта—изумительная память. Стоит ему что раз услышать или прочесть сказку, он уже крепко помнит ее наизусть. Так мы записали от него две—три сказки, но записи не считаем удачными, так как для производства их не было благоприятных условий. Кува еще не освоился с нами, он торопился, собравшаяся вся деревня мешала работе. Отношение к Куве односельчан двойственное: нельзя не заметить иронии к нему, как к хозяину. Дело в том, что раньше он «все гонками жил, да все время шатавши в людях был, без хозяйства был. Лет пяток лишь, как лошадь купил. Теперь бондарь». Но с другой стороны, т. к. Кува человек бывалый, много видал, все помнит, им интересуются, даже им гордятся. Когда он рассказывает сказку, то все хохочут до упаду. «Бывало на гонках рассказывает своим спутникам, так всю ночь проговорит: рассказывает и сказки и быль»...

Кроме Кувы мы записали сказки в с. Лащемле от 80 летнего старика Алексея Павлова: 1) «о царском сыне и Елене Прекрасной», 2) «о 3 королевских сыновьях», спасенных поваром от злой матери (Соколовы № 94), 3) о том, как волки в избе завыли (Соколовы № 147); в д. Пятницкой: от 70 л. старушки Екатерины Никифоровны Бушихи сказку—4) «Волк в пальте», от 66-летн. женщины Марфы Евстафьевой—5) «Лутоньку» (вариант к сказке «Ивашко и ведьма» Афанасьева № 62), от Ек. Ив. Соловьевой 35 л.—

6) «Хрустальный мост», (Соколовы № 120), от 18-летн. Надежды Яковлевой—7) «Ванюшка-дуранюшка» (хороший вариант к сказке об Иване Грозном и воре Шибарше, опубликованной в «Русском Архиве» 1866 г., стр. 29 и исследованной ак. А. Н. Веселовским в статье «Народные сказки об Иване Грозном»—«Древняя и Новая Россия», 1876 г. № 4, ср. также Афанасьев № 219), от 11-летней девочки Антонины Гавриловой—8) «Турилушка» (вариант «Лутоньки»); в с. Топальском от неизвестного крестьянина 28 л.—9) «Три царства» (Соколовы № 66); в д. Васютине от 47-летней женщины Василисы Вьюгиной—10) «Елена Прекрасная» (Соколовы № 79).

Из приведенного краткого перечня уже видно, что сказочный эпос в крае еще довольно архаичен: наряду с бытовыми и сатирическими сказками там имеют еще большой спрос сказки фантастического характера. В отношении сказок край заслуживает более детального изучения.

Этим я и заканчиваю свой отчет о наблюдениях в области быта и творчества Верхне-Моложского края, сделанных участниками экспедиции. Следовало бы еще остановиться на характеристике говора местного населения, но подробную его характеристику оставляю для специальной работы, краткая же характеристика дана в предварительном отчете*).

Хочется верить, что собранные экспедицией материалы в виде полных текстов записей, интересных для диалектологии, фольклористики и этнографии, будут опубликованы для пользования ученых.

*) Темой для отдельной работы будут служить и памятники живописи.—9 полотен реалистического письма художника Мих. Андр. Кудрявцева, родом местного крестьянина. Эти картины находятся в соборе б. Николо-теребенского мо-ря.

Там же имеется несколько картин, принадлежащих кисти Венецианова, как известно, жившего неподалеку в Вышневолоцком уезде. Главнаука и Тверской музей думается, обратят внимание на эти затерявшиеся в захолустье памятники живописи